

«Михаил Голер: Как я стал «Маминым- Сибиряком»»

«Маминым-Сибиряком» меня обозвали коллеги-журналисты в Кишиневе, когда я вернулся из Сибири. И действительно, юноша из самой западной республики страны, взлелеянный в тепле на фруктах и молодом вине волею судеб был заброшен в суровую Сибирь. А получилось это так. Когда мне в Молдове перекрыли кислород, перестали печатать, нигде не брали на работу (якобы я был еврейским буржуазным националистом) мой друг Леонид Гуревич, московский сценарист и критик, через свои связи рекомендовал меня на Новосибирское телевидение. Дело это было новое, кадры текли туда отовсюду, честно говоря, никто ничего не знал, все изобретали велосипед, и оттого брали практически всех имевших отношение к искусству и журналистике.

И вот я, оставив в Кишиневе молодую жену, (7 ноября 1961 года свадьбу только справили), уже через месяц сажусь в поезд Москва-Новосибирск с узелком в руке и рекомендательным письмом в кармане. И потянулись дни и ночи под перестук колес, а за окном неведомая мне Россия... Изредка черные избы, белая пелена снега, и пустота, пустота... Все это внезапно прерывалось огромными вокзалами, с клубами пара от паровозов и пронзительным ревом гудков... И лязг железа от стыкуемых вагонов. Я чувствовал себя комочком плоти, заброшенным в стадо динозавров. Все, все вокруг было чужим и неизвестным.

И вот, наконец, новосибирский вокзал, самый гигантский из виденных в пути. Студии строились тогда на окраинах городов, на возвышенном месте. Не был исключением и миллионный Новосибирск, именуемый «столицей Сибири». На двух трамваях добрался я до студии телевидения и вот сижу в кабинете директора, сжимая ногами свой узелок. Тот с некоторым недоумением созерцает меня, а затем спрашивает, где мой багаж и устроился ли я на квартиру. Получив ответ, «что все свое ношу с собой», а о квартире еще не думал, он изумился еще больше.

Глеб Никодимович Шляк был «брошен» на ТВ из обкома партии. Но человек любознательный и живой, он увлекся новым делом и полюбил и телевидение, и его творцов. В общем, феномен Екатерины Фурцевой. Он позвонил кому-то по внутреннему телефону и сказал: «Баба Лиза, говорят, Вы комнату сдаете? Возьмите к себе нашего нового работника. Он с Запада к нам приехал». (Так я впервые услышал сибирское определение родных мест. Все, что за Уралом, для сибиряков – Запад). «Баба Лиза», оказавшаяся главным бухгалтером студии, быстро забрала меня из кабинета. Пока же в ожидании конца рабочего дня я бродил по студии, представился главному режиссеру Вадиму Гнедкову, знакомился с коллегами. Смотрели на меня с некоторым удивлением, как на райскую птицу, ненароком залетевшую в их кущи. «Вот, - торжественно говорил главреж, представляя меня коллегам. – Сам приехал из солнечной Молдавии, от коньяка и винограда. Это рядом с Румынией» - уточнил он, очевидно не рассчитывая на географическую грамотность сибиряков. «А у нас есть уже один человек из ваших краев», - радостно сообщил мне мой будущий коллега. – «Редактор музыкальной редакции Алина Литинская». (Алина приехала туда из Киева (!), но для новосибирцев это был, как я уже понял, единый Запад).

Что поразило в первую очередь? Миллионный город оказался большой... деревней. Дома в центре и жилмассивы на окраинах. А все остальное пространство – черные хатки и заснеженные улицы с деревянными тротуарами (весной и осенью грязи всевеликие). В такой избушке и жила Баба Лиза с двумя юными дочерьми. Отвели мне крохотный закуток, постелили на топчанчике и... началась новая жизнь.

Опростоволосился я уже на следующее утро. Баба Лиза попросила меня дрова нарубить. В жизни я этого не делал. Но взялся за топор уверенно. Когда после первых замахов она поняла, что я могу запросто оттяпать себе ногу, то кликнула дочерей, и здоровенные

девки с шутками и прибаутками мигом раскололи поленья и разожгли печку. Стало тепло.

Мне неслыханно повезло. Новосибирская студия оказалась очень творческим организмом. Главной фигурой там был режиссер, в отличие от многих других, где главенствовала редакция, выполняя, в основном, цензорские функции. Нет, конечно, были и в Новосибирске редакторы, но так уж получилось, что они всячески помогали режиссерам осуществлять их творческие замыслы. Как очень точно определил Аркадий Зельманов, глава телефильма студии, когда мы спустя годы встретились на очередном фестивале телефильмов и он поздравлял меня с наградой: - Тебе, Мишаня, повезло. Ты возрос в питательном бульоне Новосибирского ТВ.

Но до смотров и наград было еще далеко. И утвердиться на новом месте можно было только доказав товарищам, что ты творческая личность и что-то умеешь. Честно говоря, я об этом не думал. Действовал спонтанно, как мне представлялось наиболее интересным. И оказалось, впоследствии, что это самый правильный путь. Без предварительного расчета и холодного умысла. Как бог на душу положит.

Определили меня ассистентом III-ей категории с окладом аж 70 рублей в месяц с испытательным сроком. И взял меня на этот срок главный режиссер студии Вадим Гладков, снимавший фильм о Новосибирском Театре оперы и балета под названием «Большой Театр Сибири». Театр этот, последний шедевр советского конструктивизма, строился во время войны. Гигантским полуциркулем зал и огромная, прямоугольная часть за ним, в которой размещались гримуборные актеров и все цеха. В общем, целый завод. Два-три дня ходил я хвостиком за своим главрежем, постигая тайны киносъежек мне до того неведомые. А на четвертый день Вадим Гнедков в театр на съемку не явился. Звоним на студию, к нему в кабинет, никакого ответа. И дома сказали, что ушел на работу. А ведь вся группа вызвана, плюс главный художник театра и декораторы - исполнители. И все, вкупе с оператором, выжидающе смотрят на меня. Что делать? Отменить съемку, распустить группу и ехать на студию?

- А что у нас по плану? – тихонько спросил я у оператора. – Работа художника, - ответил он. И более никаких подробностей ни у него, ни в сценарии. Только упоминание о грандиозности декораций. Время шло, надо что – то решить, и тут – то осенило. – Так, - решительно скомандовал я, - художник рисует эскиз любой декорации, а декоратор – исполнитель повторяет его задание.

На полу гигантского цеха послушно расстелили огромное полотно и человек с машиной, напоминающий ту, что на улицах разметку наносит, стал катать ее по полу, повторяя линии эскиза. В монтаже, объяснял я группе, мы все это запараллелим, тонкий штрих на картоне художника повторяет и продолжает исполнитель с машиной, проводя плотную густую полосу. Все увлеклись, потекла работа, я мотался между художником, исполнителем и оператором и даже не заметил, как рядом возник режиссер фильма. Увидев его, испуганно дернулся, ожидая выговора за самоволку, но Вадим успокаивающе потрепал меня по плечу, мол продолжай дальше.

Позже я узнал, что директор срочно вызвал его на какое-то совещание к себе в кабинет. И когда Гнедков стал отпрашиваться, мотивируя тем, что в театре на съемке только новичок ассистент, который не знает, что делать, директор ответил с усмешкой: «А вот мы и посмотрим, как он себя поведет. Будет сидеть, и ждать тебя или самостоятельность проявит. И мы с тобой сразу пойдем, еще одним послушным ассистентом студия пополнилась или к нам приехал будущий режиссер».

Так раньше времени окончился мой испытательный срок. И определили меня в редакцию пропаганды. Но нравы на Новосибирском ТВ были вольные и, при желании, можно было работать и по другим редакциям.

В детской я ставил спектакль по чудному рассказу Ильи Зверева «День без вранья», для которого подбирал по типуажу исполнителей из школ города. И когда на роль двоюродника Ряши я нашел соответственного, долговязого пацана, весь педсовет настойчиво предлагал

мне вместо него чистенького и аккуратного отличника (явно рассматривая приглашение на ТВ как поощрение за усердие и хорошее поведение). Увы, тогда в 60-ых годах, передачи не записывались на видео и спектакль, после первого и единственного показа, канул в лету.

В литературно–драматической редакции по сценарию талантливейшего Юры Малашина погрузился в мир наскальных рисунков в горах Северной Африки, так называемых «Фресок Тассили»

В спортивной мне доверили трансляцию хоккейных матчей. И тут-то я понял разницу в темпе и стремительности по сравнению с любимым футболом.

А через 6 месяцев отправился в киноэкспедицию на Алтай, где по своему сценарию снимал документальный фильм «Большой день геолога». Герой, ученый из Академгородка, увы, попался какой-то приземленный, более похожий на чиновника..И мы с оператором Лешей Сикоруком всячески романтизировали его облик и его работу. А искал он какие-то проявления рудных месторождений.

Алтай потряс меня (не только меня одного). Красоты неопишуемой горы и реки (что твоя Швейцария). Знаменитый, протянувшийся на 500 верст, Чуйский тракт, где дорога зачастую пробита в скалах, и машина ползет над пропастью. Там я научился ездить на лошади, ловить форель и хариуса в горных речках, и отпустил бороду лопатой, почему-то рыжую, которой очень гордился по возвращении. Но моей молодой жене борода активно не понравилась, и она предложила мне немедленно ее сбрить. А когда я гордо отказался, моя Дора решительно отрезала: - Тогда спать будешь здесь, - и показала на угол комнаты. Впоследствии, она любила вспоминать, как меня будто ветром сдуло и через полчаса я явился пред ее светлые очи аккуратно выбритым.

В Сибири я стал режиссером. Печатался с рецензиями в газетах, читал курс истории театра в Новосибирском театральном училище. Атмосфера на Новосибирском телевидении была очень демократичной и располагала к свободомыслию. Рассказывали, как однажды, когда на закрытом партийном собрании исключали из рядов партии одного редактора за неблагоприятные поступки режиссер Володя Гранат, отворив дверь в кабинет, где проходило судилище, взмолился: - Товарищи, не исключайте его из партии. Не засоряйте наши ряды беспартийных! И эта выходка сошла ему с рук.

В другой раз на летучке директор зачитал письмо одной телезрительницы: «Дорогая редакция. Я долго гуляла с Васей и он все просил, чтобы я ему поверила. Однажды мы выпили портвейного вина и я ему в подъезде поверила. У меня скоро будет ребенок. Что мне делать?» – «Ну и что отвечать будем», - под общий смех спросил директор. (А реагировать в те времена на письма трудящихся надо было обязательно). Такие вот нравы царили на новосибирском ТВ в те годы.

После выхода фильма о геологе в эфир я получил внеочередное повышение: стал ассистентом режиссера II категории с окладом аж в 80 рублей в месяц. Жена, воспитатель в детском саду, получала соответственно 42 рублей. Но никогда я так плодотворно, захлеб, творчески не работал, и не был так счастлив, как в те далекие суровые годы, когда становился сибиряком. Пусть хоть и «маминым».

Alex Weis-Goler